
Ливия,
которой
не было

Виктория Илларионова-Лазарева

Линия, которой не было

«Автор»
2026

Илларионова-Лазарева В.

Линия, которой не было / В. Илларионова-Лазарева — «Автор», 2026

В Мареллии говорили, что море не умеет хранить тайны. Всё, что в него бросали - монеты, письма, признания, - рано или поздно возвращалось к берегу. Иногда не в прежнем виде. Иногда вовсе не туда, откуда упало. Но возвращалось обязательно.Ливия Вельти этой примете не верила. По её мнению, море было единственным существом в Сан-Веро, способным выслушать человека и не дать ни одного совета. За это она его любила.

© Илларионова-Лазарева В., 2026
© Автор, 2026

Виктория Илларионова-Лазарева
Линия, которой не было

Линия, которой не было

В Мареллии говорили, что море не умеет хранить тайны. Всё, что в него бросали – монеты, письма, признания, – рано или поздно возвращалось к берегу. Иногда не в прежнем виде. Иногда вовсе не туда, откуда упало. Но возвращалось обязательно.

Ливия Вельти этой примете не верила. По её мнению, море было единственным существом в Сан-Веро, способным выслушать человека и не дать ни одного совета. За это она его любила.

Сан-Веро примостился между холмами и бухтой, словно кто-то однажды высыпал на склон горсть домов, а потом побоялся трогать их, чтобы не нарушить удачно сложившуюся композицию. Улицы здесь были слишком узкими для серьёзных ссор: двум обиженным людям всё равно приходилось разойтись плечами почти вплотную. На балконах сушили бельё, под балконами спорили о футболе, а на площадях продавали мороженое с таким видом, будто занимались делом государственной важности. На открытках город выглядел совершенным. В жизни его совершенство нарушали облупившаяся штукатурка, визг мотороллеров и неизбежная кошачья шерсть на тёмной одежде.

Ливии нравилась именно эта, настоящая, версия.

Ей было двадцать восемь. Она жила на третьем этаже старого дома над булочной и просыпалась раньше будильника благодаря пекарю, который каждое утро в половине седьмого гремел железными противнями. Иногда она ненавидела его за это с такой полнотой чувства, какую другие люди сохраняют для бывших возлюбленных. Но стоило запаху горячего хлеба подняться к её окну, как ненависть превращалась в благодарность. Так с Ливией происходило часто: эмоции у неё не задерживались в одном состоянии надолго.

Она работала оформителем в маленьком издательстве и создавала для местных кафе меню, вывески и открытки. В городе это называли «быть художницей». Сама Ливия произносила слово «художница» осторожно, почти шёпотом, словно не хотела спугнуть профессию, до которой ещё предстояло дорасти.

Каждый вечер, когда оставалось хоть немного сил, она писала картины.

Не абстракции, не причудливые цветовые сны, не модные полотна, смысл которых определялся ценой рамы. Её упрямо тянуло к реализму. Она хотела, чтобы стакан был тяжёлым, когда на него смотрят, чтобы ткань казалась прохладной, чтобы нарисованный свет заставлял прищуриться. В детстве ей представлялось, что настоящая картина должна вызывать у зрителя нелепое желание проверить: нельзя ли протянуть руку сквозь холст.

Получалось далеко не всегда.

Однажды она три недели писала лимон и в итоге добилась полного сходства с хорошо воспитанным жёлтым камнем. В другой раз портрет соседки вышел настолько правильным по пропорциям, что соседка сказала: «Да, это, конечно, я. Только, кажется, умерла пять минут назад». А на картине с морем волны, по замечанию подруги, «держались с достоинством, как свежевыстиранные простыни».

Подругу звали Роза. Она держала мастерскую рам на соседней улице и относилась к Ливии с редким сочетанием нежности и беспощадности.

– Ты всё пишешь верно, – сказала она как-то, рассматривая очередную неудачу. – А верно – не значит живо.

– Спасибо. Отличный совет. Сейчас возьму кисть и напишу неправильно.

– Попробуй. Хоть однажды ошибись так, чтобы в это можно было поверить.

Ливия обиделась. Через час пришла извиниться. Ещё через час они пили дешёвое вино на крыше, слушали старую рок-группу и спорили, могла ли песня про расставание на самом деле быть песней о надежде.

Музыку Ливия любила мелодичную и обязательно с гитарами, которые не стыдились звучать сентиментально. В наушниках у неё постоянно звучали то бодрые песни, под которые легко шагать, то такие, где вокалист тянул последнее слово припева чуть дольше, чем позволяла приличная эмоциональная сдержанность. Роза не раз говорила, что Ливия выбирает музыку, как люди выбирают чужие письма: непременно с тем, чего им самим не хватает.

– Мне всего хватает, – отвечала Ливия. – Я просто люблю хорошие припевы.

Отчасти она говорила правду.

Ливия была красива той красотой, о которой редко пишут торжественные стихи, зато часто вспоминают через годы: густые тёмные волосы, живой, чуть насмешливый взгляд, небольшой шрам у брови, полученный в детстве, и улыбка, возникавшая так внезапно, будто человек напротив только что получил негласное разрешение быть собой. За ней ухаживали. Кто-то приносил цветы, кто-то приглашал в поездки, кто-то уверял, что впервые встретил девушку, способную объяснить разницу между охрой и сиеной.

Она честно пробовала. Ходила на свидания, смеялась, иногда целовалась на прощание. Но после каждого возвращалась домой с ощущением, будто участвовала в репетиции спектакля, для которого ей так и не дали текст. Беды в этом не было. Она не считала одиночество позором или временной неисправностью, которую следует немедленно устранить. Ей нравилось распоряжаться своим временем. Нравилось оставлять книги раскрытыми, пить кофе в постели, не объяснять, почему в воскресенье внезапно хочется ехать в соседний город только ради дождя.

И всё же иногда, особенно когда день оказывался удивительно хорошим, она чувствовала странную нехватку. Не пустоту – с пустотой можно было бы спорить, заполнять её делами и музыкой. Скорее избыток. Слишком много смешного, прекрасного, нелепого происходило вокруг, а поделиться этим хотелось с кем-то, кто однажды запомнил бы историю и спустя много лет закончил за неё.

Но только все это – не с кем угодно. Вот в чём состояла неприятность.

По вечерам она уходила к морю. Бродила вдоль каменной набережной, спускалась туда, где от воды пахло водорослями и нагретыми камнями, подолгу смотрела, как у рыбацких лодок подрагивают отражения. Весной ветер здесь был щедрым и грубоватым, летом он приносил запах инжира, соли и жареной рыбы, а осенью казалось, будто всё побережье готовится сказать что-то важное, но пока выбирает слова.

Ливия брала с собой блокнот. Писала быстро, почти зло, не заботясь о сходстве. Эти маленькие наброски выходили живее больших картин, и именно это раздражало её сильнее всего.

– Потому что ты не стараешься, – сказала Роза, когда Ливия показала ей страницу с несколькими кривыми линиями.

– Прекрасно. Чтобы научиться писать, нужно перестать хотеть писать. Это можно преподавать в академии.

– Нет. Тебе нужно перестать требовать от мира, чтобы он заранее согласовал с тобой результат.

Ливия захлопнула блокнот.

Иногда ей казалось, что Роза разговаривает афоризмами исключительно ради того, чтобы её хотелось придушить.

***

К началу октября в Сан-Веро похолодало. Туристы разъехались, и город, избавленный от необходимости нравиться, сделался особенно красивым. На набережной теперь можно было услышать собственные шаги, а в кафе – дождаться своего кофе без обсуждения, как правильно произносить название напитка.

В издательстве готовили выставку молодых авторов. Редактор, господин Бартоли, человек с вечной сигаретой за ухом и удивительно чистыми манжетами, предложил Ливии показать несколько работ.

– Только не лимон, – попросил он.

– Это был натюрморт с философским подтекстом.

– Лимон выглядел философом, проигравшим спор. Найдите что-нибудь другое.

Она пообещала.

Потом три вечера подряд сидела перед чистым холстом.

Поначалу Ливия попыталась придумать безупречную композицию. Начертила сетку, рассчитала перспективу, разложила тона. Ей было приятно пользоваться правилами: правила создавали впечатление, что мир с ней сотрудничает. Но каждый набросок выглядел так, словно хотел занять первое место на экзамене по послушанию.

На четвёртый вечер она разозлилась, стёрла разметку и ушла гулять.

У моря едва светились огни дальнего берега. В наушниках играла старая песня – та самая, которую Роза называла слишком сладкой, а Ливия защищала исключительно из принципа. В припеве было что-то о случайности, которую узнают не сразу. Ливия шла и ловила себя на том, что не столько слышит музыку, сколько ждёт следующего аккорда. Ей нравилась эта крошечная секунда до разрешения мелодии: ещё ничего не произошло, а сердце уже уверено, что произойдёт.

Она остановилась и закрыла глаза.

Вдруг ей подумалось, что всю жизнь она пыталась изобразить вещи в тот момент, когда они уже стали собой. Стакан – когда он стоит. Волну – когда её успели заметить. Человеческое лицо – когда выражение определилось. А ведь самое живое происходит раньше. За мгновение до улыбки, до прикосновения, до слова, которое ещё не произнесено.

Это была не стройная мысль. Скорее ощущение, которое не успело превратиться в объяснение.

Дома Ливия не стала включать основной свет, оставила лишь приглушенный, исходящий от лампы на тумбочке. Поставила альбом с быстрыми записями, открыла окно, чтобы слышать море, хотя из её комнаты море было совершенно не видно, и взялась за кисть.

Всё, чему её учили, никуда не исчезло. Она по-прежнему знала, как распределяется свет и как построить глубину. Но впервые эти знания не командовали руками, а следовали за ними. Она не вычерчивала будущую работу заранее. Выбирала один тон – и следующий становился необходимым. Находила линию – и удивлялась, почему никогда прежде её не видела. Иногда отходила от мольберта, затем возвращалась с таким нетерпением, будто прервала интересный разговор.

В полночь она открыла новую тубу краски. В час забыла, что ужинала только печеньем. Под утро поняла, что не помнит ни одной из песен, звучавших в комнате, хотя всё время подпевала.

Она никогда не писала так долго и так легко.

Случались ошибки – и, к её удивлению, не все требовали исправления. Один случайный мазок будто делал соседние цвета честнее. Чуть неровная линия переставала быть погрешностью и оказывалась единственно возможной. Её собственное несовершенство внезапно не мешало картине, а помогало ей дышать.

Где-то внизу в булочной загремели противнями, Ливия опустила кисть.

Перед ней была законченная работа.

Ничего подобного она раньше не создавала. Реализм, о котором она мечтала, внезапно перестал означать точность копирования. С холста словно исходило присутствие – не движение, не звук, а несомненное чувство того, что за поверхностью существует время. Всё в изображении было неподвижно. И всё же Ливия впервые испытала глупое, детское желание не смотреть на работу слишком пристально, чтобы не помешать чему-то происходить.

Она долго стояла перед мольбертом.

– Ну вот, – прошептала она. – Кажется, наконец.

Слова прозвучали так тихо, что она сама их почти не услышала.

Следовало порадоваться. Позвонить Розе, разбудить её и заставить прийти немедленно, даже если та явится в тапочках. Следовало сфотографировать результат, написать Бартоли, выпить за победу. Вместо этого Ливия почувствовала странную робость. Её охватило нежное, необъяснимое опасение – такое бывает перед письмом, в котором решаешься сказать правду.

Ей показалось, что работа имеет к ней отношение гораздо большее, чем она могла бы объяснить. Не потому, что она написала её. Скорее потому, что каким-то непостижимым образом полотно знало о ней что-то, чего она сама ещё не знала.

На кухне давно остыл кофе. Ливия попробовала его, поморщилась и вылила. Проверила телефон: семь непрочитанных сообщений, два рабочих напоминания и фотография от Розы – новый кот в мастерской, с видом полноправного владельца помещения. Она хотела ответить, но пальцы были испачканы краской, а веки слипались.

Солнце уже поднималось. День обещал быть ясным. Ливия решила поспать всего пару часов, а потом показать картину миру.

Сняла носки, не сумев побороться даже за аккуратность, упала на кровать поверх покрывала и в последний момент подумала, что забыла закрыть окно.

Подниматься не захотелось.

Засыпая, она чувствовала тихое удовлетворение человека, у которого впервые получилось то, что он столько лет считал почти невозможным.

И ещё одно, совсем другое чувство. Будто кто-то, не произнося ни звука, ждал её по ту сторону сна.

***

Проснувшись, Ливия поняла, что всё изменилось.

Она не смогла бы сказать, что именно. Само слово «где» внезапно утратило привычную простоту, за ним не возникало ни одного надёжного ответа. Но гораздо сильнее растерянности было ощущение, что теперь невозможно отвернуться от какой-то правды, как отворачиваются от слишком яркого света.

Поначалу ей стало страшно.

Страх не был похож на тот, который возникает от опасности. У него не было ясного предмета. Он походил на секунду после неожиданного признания, когда ещё не знаешь, радоваться или спасаться бегством. Всё внутри сжалось, словно готовясь к удару, а удара не последовало. Вместо него пришло ожидание – огромное, неправдоподобное, будто кто-то растянул один миг до размеров всей жизни.

Она захотела назад. Но тут же захотела остаться.

И сама испугалась второго желания сильнее первого.

Разум пытался организовать случившееся. Придумать объяснение, выстроить последовательность: заснула, увидела сон, сейчас проснётся. Но каждое объяснение оказывалось лёгким, бумажным, а переживание было тяжёлым и настоящим. Ливия не помнила, чтобы во сне можно было чувствовать столько сразу и при этом различать каждый оттенок: холодную тревогу, возбуждение, недоверие, обиду на собственное бессилие, почти стыдливую надежду.

Волнение вдруг стало таким сильным, что она мысленно рассмеялась. Глупо, неуместно, безо всякой причины. Смех был не облегчением, а последней попыткой удержаться за знако-

мую себя. За девушку, которая раз в неделю забывает купить хлеб, слушает плохие песни из упрямства и пишет лимоны с трагической судьбой.

Но её привычное «я» уже не помещалось в том, что она испытывала.

Ей казалось, впереди есть что-то важное – настолько важное, что жизнь до этой минуты внезапно сделалась предисловием. Это раздражало. Ливия не любила высоких слов. Она потратила годы, учась не ждать чудес, не объяснять одиночество отсутствием судьбы, не выдумывать знаки там, где совпадение прекрасно справлялось само.

И всё-таки почувствовала: её сейчас заметят.

Не вообще заметят – не похвалят, не оценят, не выберут среди других, а узнают именно её. С её привычкой уходить в иронию от смущения. С неудачами, которых она стыдилась. С тем нежеланием просить о близости, которое она всю жизнь называла независимостью.

От этого предчувствия стало почти больно.

Она не знала и не понимала ещё ничего и уже боялась потерять.

Потом страх переменился.

Не исчез. Именно переменился. Диссонанс разрешился в тонику. Что-то неожиданно доброе коснулось самого уязвимого места, и Ливия обнаружила, что впервые за очень долгое время ей не хочется притворяться более спокойной, чем она есть.

Не нужно было подбирать выражение лица. Не нужно было казаться интересной, красивой, свободной, остроумной. Можно было быть ошеломлённой. Можно было не находить слов. Можно было не знать, что делать с руками, с сердцем, с собственным будущим.

Ей было неловко – невероятно, мучительно неловко.

И чудесно.

От этого сочетания она едва выдерживала себя.

Смущение оказалось странно щедрым чувством. Оно заставляло её обнаруживать в себе вещи, которые прежде были незаметны. Например, потребность нравиться – не как на свидании, где заранее известно, какие реплики уместны, а по-настоящему, до внутренней дрожи. Ливия привыкла считать эту потребность слабостью. Сейчас же она впервые поняла, сколько в ней смелости. Ведь захотеть понравиться – значит допустить, что кто-то вправе не ответить тем же.

Она допускала – и от этого замирала.

Всё неприметное в себе казалось вдруг важным: её некстати возникающая смешливость, способ раздражаться при волнении, желание говорить быстро, пока не заметили паузу, в которой могла бы прозвучать правда. Она мысленно перебирала себя, словно рассыпанную коробку с карандашами, и не могла решить, стоит ли собирать всё по прежнему порядку или позволить цветам перемешаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.